

*И. В. Кондаков**

**«ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ»:
ГОССЛУЖБА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ****

Статья посвящена феномену государственной службы в историческом контексте российской культуры. Понятие государственной службы было введено в обиход Петром I, и это явление стало одним из главных результатов Петровских реформ. В своем «Курсе русской истории» В. О. Ключевский вывел «формулу» Русского Просвещения, включающую концепты «деспотизм», «рабство», «свобода» и «просвещение», неотрывные друг от друга и в то же время взаимоисключающие. В расширительном смысле эти концепты являются константами российской культуры в целом, образуя своего рода «цивилизационный ромб» — культурфилософское основание российской истории Нового и Новейшего времени. На этом основании сложились две важнейшие для России социокультурные элиты — правящая и творческая, отвечавшие соответственно за социально-политическую и культурно-просветительскую сферы российской жизни. Поначалу представлявшие собой единство культуры и социума, эти элиты разорвали альянс и вступили на путь противостояния и борьбы.

Ключевые слова: Петровские реформы, «цивилизационный ромб», деспотизм, свобода, рабство, просвещение, правящая и творческая элиты, госслужба, креативность.

I. V. Kondakov
“PETER’S CREATION”:

STATE SERVICE IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE

The Article is devoted to the phenomenon of a state service in the historical context of Russian culture. The concept of state service was introduced by Peter I and this phenomenon

* Кондаков Игорь Вадимович, доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, кафедра истории и теории культуры, факультет культурологии, Российский государственный гуманитарный университет; ведущий научный сотрудник, Государственный институт искусствознания; ikond@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–42008 «Петр Великий: pro et contra. Личность и реформы Петра Великого в философско–культурологической и политологической рефлексии. Российский опыт и зарубежные контексты».

became one of the main results of Peter's reforms. V. Klyuchevsky in his "Course of Russian history" developed the "formula" of the Russian Enlightenment, including the concepts of "despotism", "slavery", "freedom" and "enlightenment", which are inseparable from each other and at the same time mutually exclusive. In a broad sense, these concepts are the constants of Russian culture as a whole, forming a kind of "civilizational rhombus" — the cultural and philosophical foundation of the Russian history of Modern and newest times. On this basis, two of the most important sociocultural elites for Russia were formed: the ruling and creative elites, who were responsible for the socio-political and cultural-educational spheres of Russian life, respectively. Initially representing the unity of the socium and culture, these elites broke the alliance and entered the path of confrontation and struggle.

Keywords: Peter's reforms, "civilizational rhombus", despotism, freedom, slavery, enlightenment, ruling and creative elites, civil service, creativity.

Большинство читателей русской классической литературы помнит пушкинскую фразу: «Люблю тебя, Петра творенье!» («Медный всадник»), обращенную к Петербургу. Однако столичный град — не единственное «творенье» Петра I, которое красуется на протяжении трех столетий «пышно» и «горделиво». Не меньшей славой среди «деяний Петра» пользуется и созданная им система управления государством, выдержавшая испытания истории на протяжении трех веков, пережившая все реформы, войны, революции.

Появлению в российской истории и культуре бюрократии как правящей элиты мы обязаны Петру Великому. Собственно, главный результат Петровских реформ в истории нашей страны заключался не только в силовой европеизации России или в превращении Московского царства в Российскую империю, а в создании класса чиновников и Табели о рангах, в подчинении всей государственной системы России организованной корпорации просвещенной бюрократии — централизованной и иерархической. Именно эта организационная логика легла в основание государственного устройства России — имперской, советской и постсоветской — на протяжении трех веков, став одной из важнейших констант русской культуры и российской цивилизации [11, с. 592–598].

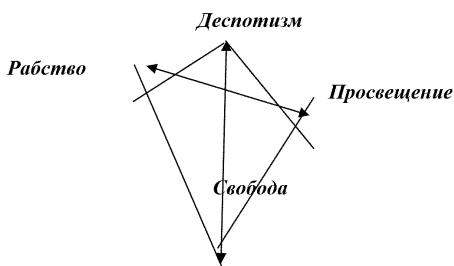
Между тем, в формировании этой константы с самого начала наблюдались культурно-цивилизационные противоречия, оказавшиеся практически не разрешимыми на протяжении трех веков. Впервые их остроту и сложность для разрешения отметил В. О. Ключевский. Обобщая значение Петровских реформ, он писал в «Курсе русской истории»:

Реформа Петра была борьбой деспотии с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная [4, с. 203].

Обобщающая формула историка и мыслителя, изложенная с нескрываемой иронией, нарочито демонстрирует нагромождение парадоксов: «грозою власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе»; «через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное

просвещение» и «общественную самодеятельность»; «чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно». Ключевский показывает, что концепция Русского Просвещения была основана на незыблемости самодержавного авторитаризма и крепостного права и насильственным внедрении науки и просвещения при условии сохранения первых двух факторов цивилизационного развития.

Четыре ключевых концепта (константы) российской цивилизации, сформулированные В. О. Ключевским, образуют своего рода «цивилизационный ромб», организующий ценностно-смысловое пространство культуры и сохраняющийся через все метаморфозы российской культуры не только до времени лекций Ключевского в начале XX в., но и фактически до настоящего времени:

В этом «ромбе» важна не только попарная дихотомия *деспотизма* и *свободы*, *рабства* и *просвещения*, выраженная двумя соответствующими бинарными оппозициями (эта пара противоречий была и остается доминирующей в структуре российской цивилизации), но и другие дихотомии, находящиеся как бы на втором плане этой структуры. Простая комбинаторика исходных концептов демонстрирует две другие пары оппозиций: *деспотизм* — *просвещение* и *рабство* — *свобода*. Длительность и действенность этих оппозиций в истории русской культуры зафиксирована в знаменитых «Сказках» М. Салтыкова-Щедрина и его же «Истории одного города» (вторая половина XIX в.). Вспомним, к примеру, «урок», преподнесенный читателям орлом из сказки «Орел-Меценат» (1884–1886): то ли «просвещение для орлов вредно», то ли «орлы для просвещения вредны», «или, наконец, и то и другое вместе» [10, с. 398].

Социальное напряжение, находящее свое выражение в остроте перечисленных цивилизационных дихотомий, носит культурно-исторический характер. «Цивилизационный ромб» В. О. Ключевского — как концептуализация Петровской эпохи — охватывает и как бы «сшивает» наследие Средневековья («деспотизм» и «рабство») и Нового времени («просвещение» и «свобода»). В таком логико-понятийном выражении становится особенно ясна утопичность замысла Петра — преодолеть историческую и смысловую «пропасть», отделяющую условное Средневековье от условного же Нового времени, путем простого объединения типовых черт той и другой эпох общей социокультурной парадигмой.

При этом анахроничные в рамках Нового времени категории «деспотизм» и «рабство», находясь в одном ряду с актуальными нововременными категориями «просвещение» и «свобода», неизбежно переосмыслились в более

широком современном контексте. Так, например, «деспотизм» понимался не только буквально, но и как «авторитаризм», «централизм», «политическая воля» (монарха), «единовластие» и т. д., а «рабство», кроме как непосредственно «крепостная зависимость», — еще и как «силовой порядок», «дисциплина подчинения», «насилованная организация», «беспрекословная управляемость» и т. п. У современников Петровских реформ создавалась иллюзия того, что Россия вступила в европейское Новое время и окончательно порвала с пережитками Средневековья, оставшимися в допетровской Руси, в то время как на самом деле допетровские социальные институты были прочно интегрированы в систему Петровского государства как основа государственного строя, а отдельные атрибуты европейского Просвещения лишь были «надстроены» над ней и служили европейской декорацией допетровского варварства.

Контаминация разновременных концептов в рамках одной системы представлений означала попытку модернизировать страну средствами одной культуры, практически не изменяя исходных социально-политических установок (опоры на институты самодержавия, крепостного права и прямого насилия). Сторонники Петра получали практическую возможность строить новое государство, опираясь на старые испытанные средства силового управления, основанные на вековых устоях авторитарной власти, бесконтрольного произвола и полной вседозволенности. Подобная система правления наиболее отвечала интересам нарождающегося сословия правящей бюрократии, госслужащих петровского и постпетровского времени. Слабость русской бюрократии XVIII в. компенсировалась незыблемостью традиции силового управления и вялостью бессловесного подчинения «низов» общества — правящим «верхам».

Между тем, представления Петра об идеальной государственности вполне укладывались в концепцию полицейского государства. По авторитетному свидетельству Е. Анисимова, «военные порядки Петр рассматривал как образцовые для организации гражданской жизни, поэтому измена противопоставлялась службе, верному служению» [1, с. 24]. Впрочем, и «просвещение» Петр понимал специфически: объявив войну литературному этикету прежней Руси. Его «борьба с инерцией слова» проявилась в том, что он предпочел «набору словесных стереотипов» — «стиль канцелярского делопроизводства, именно стиль “дела”», «стиль, в котором нет места самодовлеющему изяществу и красоте» [6, с. 243–245]. Просвещение в России приняло характер невербальный, — скорее деятельностный, нежели мыслительный.

А. Панченко далее констатирует:

при Петре производство вещей потеснило производство слов. В известном смысле это означало упадок литературы <...>, ухудшение стиля <...>. Все это связано с необходимостью называть все новые и новые вещи <...>, с упразднением многих запретов как в бытовом поведении, так и в искусстве <...>, со свободой сюжетной конструкции [6, с. 248].

«Свобода», как видим, в Петровскую эпоху понималась также весьма своеобразно: это свобода освоения новых вещей и форм деятельности, совершенствования «дела», государственной службы. «Просвещение», в Петровом понимании, подверстывалось под «государево дело», под государственную

службу, под выполнение социально-практических, утилитарных задач. Все это «усиливало противоречие между культурой и социальными отношениями» [3, с. 205].

В это же время, в атмосфере господствующей беспринципности и нарастающего утилитаризма, складываются противоестественные контаминации ключевых категорий, основанные на смешении средневековых и новоевропейских представлений, а также социально-политических и культурно-просветительских задач. Например, «просвещенный деспотизм» (абсолютизм), «просвещенное рабство», «свобода деспотизма» (произвол) и «свобода рабства» (крепостничества) были неотъемлемыми чертами Русского Просвещения (по своей сути чисто дворянского), сохранявшимися далеко за пределами эпохи Просвещения. В этом противоречивом культурно-цивилизационном контексте формировались такие эксклюзивные феномены русской культуры XVIII в., как «просвещенная деспотия», «крепостная интеллигенция», «вольности дворянства», расцветали различные злоупотребления крепостничества, чиновного произвола и т. п. Осмысление этих культурно-цивилизационных противоречий как нарушения принципов эпохи Просвещения (как они были известны из западноевропейского опыта) началось лишь во второй половине XVIII в. в творчестве А. Сумарокова, Н. Новикова, Д. Фонвизина, А. Радищева, В. Капниста и др. писателей екатерининского времени.

К этому времени относится и произошедший в годы правления Екатерины II раскол российских элит: правящая бюрократия отмежевалась от творческой элиты, и возникло их взаимное недоверие и неприятие, в дальнейшем усугубившееся и укрепившееся как идейное и нравственное противостояние, затем принявшее формы борьбы. Водораздел правящей и творческой элит проходил по линии разграничения социально-политической и культурно-просветительской сфер. А. Ахизер связывал эти процессы с крахом кратковременного екатерининского либерализма:

Смыкание духовной и правящей элит происходило на основе обоюдного стремления к либерализму. Расхождение же между ними, конфликт, доходящий до вооруженного столкновения, возникает в результате краха либеральной политики власти [3, с. 204–205].

Правящая элита, объединявшая госслужащих различных рангов, координировала свою деятельность относительно традиционных для России социальных механизмов «деспотизма» и «рабства» (понимаемых расширительно — как инструменты политического господства и подчинения). *Творческая элита*, объединявшая деятелей культуры (писателей, художников, мыслителей, ученых), ориентировалась на ценностно-смысловое пространство вокруг концептов «просвещение» и «свобода» (которые понимались тоже расширительно — как ориентиры европейской культуры XVIII в.). Так, значение «просвещения» включало в себя и образование, и воспитание, и приобщение к культуре Запада (науке, искусству, философии, литературе), и собственную творческую активность, и требования всемирно-исторического прогресса цивилизации.

Сталкиваясь с кризисной ситуацией, правящая элита быстрее справляется со своими проблемами: «нацеленная на повседневное решение» практических задач, она «может быстро изменить курс, тогда как духовная элита, склонная заглядывать далеко вперед, сделать это не может» [3, с. 205]. Поэтому во многих ситуациях кризиса или противостояния выигрывает именно *правлящая элита*, а *творческая элита* погрязает в дискуссиях о путях выхода из кризиса или в построении утопических проектов. Во всех таких случаях «слабость культурной интеграции общества» замещается «административной властью» и «стимулирует отход от власти закона в пользу власти чиновников» [2, с. 147, 131].

Исторические традиции нашей страны, в том числе и культурные, показывают, что, пытаясь однозначно оценить фигуру госслужащего, мы оказываемся в сложном положении. Выясняется, что социокультурные ожидания государства и общества не только не совпадают, но нередко и направлены в разные стороны. Отражая эти ожидания, художник или мыслитель может занять точку зрения общества или государства и оказаться при этом — и в том, и в другом случае — непонятым или непонимающим.

Приведу яркий пример. Когда Николай I отправился в свой отпуск на морском корабле, он взял с собой почитать роман Лермонтова «Герой нашего времени». Читая произведение, он был уверен, что *герой нашего времени* — это Максим Максимыч, слуга Отечества, честный патриот, верный служака, безукоризненный офицер. Но, когда он понял, что герой Лермонтова — это Печорин, очень похожий на самого Лермонтова, он был возмущен до глубины души. Вот что он писал по этому поводу императрице Александре Федоровне (письмо от 13.06.1840).

Капитан появляется в этом сочинении как надежда, так и неосуществившаяся, и господин Лермонтов не сумел последовать за этим благородным и таким простым характером; он заменяет его презренными, очень мало интересными лицами, которые, чем наводить скуку, лучше бы сделали, если бы так и оставались в неизвестности — чтобы не вызывать отвращения. Счастливый путь, господин Лермонтов, пусть он, если это возможно, прочистит себе голову в среде, где сумеет завершить характер своего капитана, если вообще он способен его постичь и обрисовать [5, с. 487–488].

Характерно, что Николай считал недооценку образа капитана автором — его художественным просчетом, вызванным недостатком литературного таланта и профессиональных навыков.

А сам Лермонтов и поддержавший его в его убеждениях В. Белинский были уверены, что в мятущемся Печорине (вслед за Чацким и Онегиным) открылся новый тип — «лишнего человека». Но эта его *лишность*, может быть, и очевидная как для авторитарной власти, так и для прагматических государственников, была *нужностью* и *необходимостью* для исторического развития России, потому что, не обладая «верностью» и «исполнительностью» (качеств, важных для правящей бюрократии), такие люди, как Печорин, обладали критическим и творческим сознанием, способным выявлять острые и нерешенные проблемы социального и культурного роста страны, а значит, ее социокультурной динамики.

За этой коллизией стоит не одна лишь проблема взаимонепонимания художника и власти и конфликт между ними. Точнее, не только это. Скорее речь идет о том, что ожидания деспотического государства в отношении культуры и действительности и ожидания самого общества в этом отношении категорически не совпадают, вступают в противоречия, которые долго в русской традиции сохраняются (вплоть до настоящего времени) и время от времени обостряются. С точки зрения государства, особенно централизованного и авторитарного, госслужащий (в данном случае неважно — светский или военный) предпочтительнее и надежнее независимой, свободной и бесконтрольной личности (будь то поэт, одинокий мыслитель или обыватель, частное лицо, представитель гражданского общества).

Превращение Пушкина — под конец его жизни и помимо его воли — в камер-юнкера, придворного весьма низкого ранга, — это акт власти, превращающий свободного поэта в госслужащего, зависящего от императора и придворного окружения, — акт, одновременно унижающий художника и закрепляющий его за государством как одушевленную собственность, попытка его безусловного порабощения, подчинения государственной машине. А изгнание Лермонтова на Кавказ — это другой акт той же власти, закрепляющий за художником статус изгнанника, более того, лишаящий его статуса художника на том основании, что он не сумел постичь характер «героя времени» так, как его понимает правящая элита (а именно как человека, служащего государству «без страха и упрека»).

В то же время тот же Николай I предпочитал иметь дело с такими верноподданными писателями, как Ф. Булгарин, Н. Полевой, Н. Кукольник, М. Загоскин, О. Сенковский и др., каких было много. Этих писателей третьего ряда сегодня почти никто не помнит, кроме, может быть, узких специалистов. Все они не были совсем бесталанными людьми, но сделали целью и смыслом своего творчества *служение текущей государственной политике*. Чаще всего подобное служение мотивировалось не убеждениями служащих, а соображениями конъюнктуры, практической выгоды, карьеры, обогащения и т. п. Но и тогда, когда мотивами госслужбы были представления о служебном долге, государственной важности «служения», о необходимости «растворения» личности в деятельности на благо «царя и отечества», эти государственноческие убеждения объективно умаляли роль личности и ее творческого потенциала в истории, роль культуры в жизни общества.

Когда создание произведений в духе государственной политики вполне соответствовало идейным представлениям пишущих и представляло собой лишь иллюстрацию к официальной идеологии, — такие произведения, как правило, не были продуктом художественного или интеллектуального творчества авторов, но были, скорее, данью служебного долга или формальным соответствием требованиям момента. Эти тексты были лишены творческого вдохновения, не озарены какими-либо художественно-эстетическими свойствами, не имели индивидуально-неповторимого стиля и оригинальных авторских идей. Несмотря на это, произведения официозных авторов нередко получали нарекания со стороны правящих верхов, поскольку казались недостаточными по сравнению с требованиями официальной идеологии. Их

творчество в какой-то мере предвосхищало феномен «соцзаказа», получивший распространение уже в советское время.

В России, начиная с Екатерины II, альянс между *правлящей элитой* и *творческой элитой* распался необратимо. Началось это с конфликта с А. Радищевым, который, с точки зрения Екатерины II, оказался «мартинистом», «хуже Пугачева» [8, с. 242]. Противостояние элит продолжилось в государственном преследовании Н. Новикова, осмелившегося в своих сатирических журналах (например, в «Трутне») резко полемизировать с самой императрицей и дерзко высмеивать ее, ее русскую речь, ее либеральные законы. В XIX и XX вв. число участников и жертв подобного политического противостояния властных структур и деятелей культуры многократно умножилось.

Альянс *правлящей и творческой элиты* в России распался быстро и надолго; уже в творчестве Пушкина заметно негативное отношение к государственным служащим. В качестве примера можно привести незавершенный роман Пушкина «Дубровский», в котором подьячие, приехавшие по наущению Троекурова описывать имение отца Дубровского, празднуют победу, напиваются рому и оказываются запертыми в барском доме. Крестьяне поджигают дом. Кузнец Архип с радостью спасает с крыши загоревшегося сарая кошку, а чиновников оставляет погибать в горящем доме.

Жестокая расправа Пушкина (через посредство литературного текста) с государственными служащими, конечно, неслучайна. По сюжету романа Троекуров, задумав отомстить Дубровскому-старшему, доверил вести «замышленное дело» заседателю с красноречивой фамилией «Шабашкин». «Проворный» Шабашкин «за него (Троекурова. — И. К.) хлопотал, действуя от его имени, страшая и подкупая судей и толкуя вкрив и впрям всевозможные указы». Что же касается гордого и беспечного Дубровского, то он «всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени, но мысль соделаться жертвой ябеды не приходила ему в голову» [7, с. 148].

В кульминационный момент мести криводушным чиновникам между Владимиром Дубровским и его крепостным кузнецом Архипом разворачивается многозначительный разговор.

— А зачем с тобою топор?

— Топор-то зачем? Да как же без топора нонече и ходить. Эти приказные такие, вишь, озорники — того и гляди... <...> Слыхано ли дело, подьячие задумали нами владеть, подьячие гонят наших господ с барского двора... Эх они храпят, окаянные; всех бы разом, так и концы в воду.

Дубровский нахмурился. «Послушай, Архип, — сказал он, немного помолчав, — не дело ты затеял. Не приказные виноваты. Засвети-ка фонарь ты, ступай за мною» [7, с. 165].

Архип с безмолвного одобрения хозяина запер все двери, чтобы подьячие не могли выбраться из горящего дома. В ответ на жалобные вопли и крики: «Горим, помогите, помогите», — он отвечал со злобной улыбкой: «Как не так». Не помогла и примирительная фраза няни Егоровны: «Архипушка, <...> спаси их, окаянных, Бог тебя наградит».

— Как не так, — отвечал кузнец [7, с. 167].

Спасая кошку с горящего сарая и упрекая крестьянских детей, смеющихся над ее несчастьем, Архип сердито говорит: «Чему смеетесь, бесенята, — Бога вы не боитесь: Божия тварь погибает. А вы сдуру радуетесь» [7, с. 167–168]. Заметим: кузнец не считает подьячих «божьей тварью» и не собирается их спасать. Застарелая ненависть крестьян к чиновникам сопоставима с аналогичными чувствами к ним дворян, не столько ненавидящих, сколько презирающих низшее сословие и тем убедительнее проигрывающих им свое дело.

Аналогично выстраивается в каждом конкретном случае критическое отношение к государственным чиновникам у большинства русских писателей и мыслителей. Многообразна и гамма эмоционального отношения к государственным чиновникам в русской культуре — от жалости до презрения и от обличения до ненависти (Тряпичкин, Акакий Акакиевич, «Значительное лицо», «Кувшинное Рыло», «Доходное место», «Обыкновенная история», «Медведь на воеводстве» и т. п. маркеры госслужбы). Стоит, однако, задуматься о причинах столь устойчивого негативного отношения русских писателей и художников к государственным служащим на протяжении более двух веков. Предлагаю одну из вероятных версий объяснения этого явления.

В истории русской (советской, российской) культуры краткая встреча и длительное расставание правящей и творческой элит привели к тому, что за каждой из них закрепилось свое проблемное и ментальное поле, жестко отграниченное от соседнего. Если целью *правлящей элиты* является достижение конкретных практических результатов и реализация своих властных полномочий, то целью *творческой элиты* является художественное и интеллектуальное самовыражение, а также реализация индивидуальных креативных проектов. Средства, к которым прибегает в своей деятельности *правлящая элита* — введение различных ограничений и регулятивных правил, принятие формальных предписаний и готовых, проверенных решений. Средства, характерные для *творческой элиты* — аккумуляция знаний, культурных ценностей, творческих навыков, поиск многообразных, неповторимых форм деятельности, импровизация, полет мысли, свобода творчества.

Весь этот клубок противоречий завязан, как это показал В. О. Ключевский, на неразрешимых противоречиях между деспотизмом и рабством, с одной стороны, и свободой и просвещением, с другой. При неизбежности констант «деспотизм» и «рабство» (пусть и понимаемых в расширительном смысле) смысл производных от них констант «свободы» и «просвещения» становится искаженным и размытым. Это уже не вполне *свобода*, в европейском ее понимании, и не вполне *просвещение*, как его понимали в Европе. Это — парадоксальная и противоестественная «смесь» свободы и несвободы — в первом случае; и столь же извращенная контаминация просвещения и недопросвещения (или просвещения и мракобесия, темноты) — во втором. Это результат либо деспотического произвола, отпускающего обществу «свободу» и «просвещение» избирательно и неравномерно; либо результат принципиального неразличения «свободы» и ее противоположности («рабства»), «просвещения» и «затемнения» массового сознания.

Еще хотел бы обратить внимание на один парадоксальный эпизод в истории русской культуры, связанный с литературой и общественной мыслью.

В. В. Розанов, журналист, писатель, философ, разносторонний человек, в своем «Уединенном» (произведении, предвосхищавшем будущий постмодернизм) с восторгом обращается к фигуре Чернышевского (в то время еще практически запрещенного писателя и мыслителя) и выступает с неожиданной рекомендацией его (задним числом, посмертно) в качестве потенциального государственного деятеля.

Конечно, *не использовать* такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства — было преступлением, граничащим со злодеянием. <...> Что такое все Аксаковы, Ю. Самарин, Хомяков или «знаменитый» Мордвинов против него как *деятеля*, т. е. как *возможного деятеля*, который зарыл был где-то в снегах Вилуйска? (курсив мой. — И. К.) [9, с. 207–208]

Розанов сравнивает Чернышевского с Петром I. Дело в том, «что с самого Петра (I-го) мы не наблюдаем еще натуры, у которой каждый час бы *дышал*, каждая минута *жила* и каждый шаг обвеян «заботой об отечестве». Предлагая (сослагательно) воспользоваться у Чернышевского не головой, а крыльями и ногами, Розанов уверяет читателя, что «такими «ногами» обладал еще только кипучий, не умевший остановиться Петр» [9, с. 207]. Так сказать, «Петровские реформы» полтора века спустя. Продолжение «Петрова дела», увиденное два века спустя, незадолго до Октябрьского переворота.

Я бы... (мечтает ретроспективно Розанов) как *лицо* и *энергию* поставил его не только во главе министерства, но во главе системы министерств, дав роль Сперанского и «незыблемость» Аракчеева... Такие лица рождаются веками <...> Уже читая его слог <...>, прямо чувствуешь: никогда не устанет, никогда не утомится, мыслей — чуть-чуть, пожеланий — пук молний. Именно «перуны» в душе. <...> Ну — а такие орлы крыльев не складывают, а летят и летят, до убоя, до смерти или победы [9, с. 208].

В этом нетрадиционном, даже фантастическом предложении «реакционера» и «консерватора» Розанова — поставить «революционера», «государственного преступника», ссыльного писателя и публициста, на госслужбу — сформулирована, по мнению Розанова, *проблема* Российского государства, а не только самого оппозиционера. Те, у кого «перуны в душе», у кого есть запас энергии, — находятся в положении полного практического бессилия. И, наоборот, те, кто имеют полную власть и все полномочия совершать судьбоносные дела, не имеют «перунов в душе», — того запаса творческой энергии, который необходим для подлинных энтузиастов госслужбы, для талантов государственного строительства.

Предлагая оппозиционера, полного творческого горения, актуальных инициатив, перспективных проектов, назначить на государственный пост, Розанов фактически предлагает «перенаправить» деятельность энергию политических изгоев в государственное русло, превратить энергию разрушительную в энергию созидательную, всячески стимулировать служение оппозиции — народу, а значит, и государству (сочетая запреты и поощрения). Подобная инновативная кадровая политика, по мысли Розанова, способна не только предотвратить революционные взрывы, но и влить свежую кровь

в систему управления страной, обновить принципы госслужбы, выстроить перспективные и альтернативные стратегии развития и совершенствования государства, расширить спектр управленческих решений, найти своевременные ответы на вызовы Истории.

Правящая элита держалась за принципы силового управления, оперирующего категориями господства и подчинения, и ориентировалась на социально-практические, утилитарные цели; творческая элита апеллировала к идеалам свободы и просвещения и занималась творческими проектами, отличающимися креативностью и фантазией, но нередко страдавшими утопизмом и отрывом от действительности. Идеальный государственный деятель, находясь фактически на границе двух элит — правящей и творческой, усваивает от *правящей элиты* практическую направленность, упорство в достижении поставленных целей, организованность, исполнительность... А от *творческой элиты* государственный деятель может взять креативный подход к решению любых проблем, способность к метафорическому, ассоциативному, обобщенному видению мира, мастерство импровизации, творческое горение, одушевленность конструктивной идеей...

Именно от соединения двух ценностно-смысловых полей, от совмещения двух проблемных контекстов в личности управленца и происходит энергетический подъем, рождаются «перуны в душе», те *высшие мотивы*, которые способны вдохновить его на созидательную государственную деятельность, на кардинальное обновление системы. В этом случае государственная бюрократия получает шанс перестать быть бюрократией, а стать творческим авангардом государственного управления, а само государственное управление может выполнять не охранительные и запретительные функции, как это в большинстве случаев происходило в России, а стать, своего рода, «ускорителем» общественного прогресса.

В этом случае культура, лишившись своей критической функции — по отношению к государству (довольно привычной в России), приобретет функцию проективную и рекомендательную — по отношению к социуму. В свою очередь социум увидит в культуре не своего постоянного «оппонента» и «разоблачителя», а руководителя и интеллектуального модератора.

Литературные «мечты» Василия Розанова остались такими же неосуществимыми, как и идеократия Петра Великого. Преобразователь России делал ставку на укрепление своей «вертикали власти». Писатель Розанов надеялся на развитие демократической «горизонтальной культуры». Однако перпендикулярно настроенные политическая власть и культурная демократия в России оказались практически несовместимыми на протяжении трех веков, парализующими действия друг друга.

* * *

Петровские реформы, направленные на усовершенствование российской государственной системы, породили класс госслужащих, который мало изменился за три века и стал в истории России и русской культуры системообразующей константой. Однако противоречия Русского Просвещения (между «деспотизмом» и «свободой», с одной стороны, и «рабством» и «просвещением»,

с другой) привели к расколу российских элит на правящую и творческую, а сфер их влияния — на социально-практическую и культурно-проективную, что привело к непрекращающейся полемике и борьбе между двумя направлениями в теории и практике государственного строительства и управления в России.

У каждого из этих двух направлений были свои сильные и свои слабые стороны: правящая элита опиралась на готовые тактические решения и испытывала дефицит в отношении стратегического обновления своей деятельности; творческая элита была полна креативности и эвристичности, но нередко страдала утопизмом и была оторвана от практики управления и принятия политических решений. По традиции российское государство рекрутировало своих служащих исключительно из анналов правящей элиты и игнорировало творческую элиту, выполнявшую лишь функцию критической рефлексии госслужбы и управления, крайне раздражавшую правящую элиту.

Вековое противостояние правящей и творческой элит в российской истории приводило к формированию в обществе негативного образа государственного чиновника, воссоздаваемого представителями творческой элиты и к поддержке правящей элитой провластных писателей и пропагандистов, демонстрировавших исключительно позитивный облик государственной службы как воплощения высшего смысла и ценности государства (в идейно-художественном отношении значительно уступавший произведениям творческой элиты). Отрыв правящей элиты от элиты творческой был чреват рутинной и застоем, эскалацией формализма и произвола, засильем бюрократических методов управления и нарушением прав человека и гражданина.

Исторический опыт России показывает, что подключение представителей творческой элиты к государственной деятельности способствует развитию креативности в сфере управления, расширяет возможности демократии и гуманизма и увеличивает эффективность государства на всех направлениях его социальной и культурной политики. Но на этом пути у российского государства — масса объективных и субъективных трудностей, непреодоленных до сих пор, а главное — взаимное недоверие между отчужденными друг от друга правящей и творческой элитами, исторически сложившееся веками. Преодолеть это недоверие и отчуждение — вот задача, поставленная перед Государством Российским Петром Великим, но так и не решенная до сих пор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е. Держава и топор: царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке: Монография. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 424 с. (Серия «Что такое Россия»).

2. Ахиезер А. С. Труды. — М.: Новый хронограф, 2006. — 479 с. (Серия «Российское общество. Современные исследования»).

3. Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. Изд. 3-е, доп. — М.: Новый хронограф, 2008. — 938 с. (Серия «Российское общество. Современные исследования»).

4. Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. — М.: Мысль, 1989. — Т. IV. — 476 с.

5. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. — 690 с.
6. Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ // Панченко А. М. О русской истории и культуре. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 13–278.
7. Пушкин А. С. Дубровский // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. — Л.: Наука, Ленингр. отд., 1978. — Т. VI. — С. 142–209.
8. Пушкин А. С. Александр Радищев // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. — Л.: Наука, Ленингр. отд., 1978. — Т. VII. — С. 239–250.
9. Розанов В. В. Уединенное // Розанов В. В. [Соч.]. — М.: Изд-во «Правда», 1990. — Т. II. — С. 195–274.
10. Салтыков-Щедрин М. Е. Орел-меценат // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 10 т. — М.: Изд-во «Правда», 1988. — Т. 8. — С. 390–398.
11. Степанов Ю. С. Табель о рангах // Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1991. — С. 592–598.